

ЕВГЕНИЯ ТУР

*Семейство
Шалонских*

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т86

Тур Е.

Т86 Семейство Шалонских / Е. Тур. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 124 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77640-5

В повести популярной писательницы XIX века Евгении Тур рассказывается о жизни большой дворянской семьи Шалонских. О том, что претерпела она в страшный для нашего отечества 1812 год. Семейные предания столь знаменательного времени в истории земли нашей не должны пропадать бесследно.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77640-5

© RUGRAM, 2022

© Т8 Издательские технологии, 2022

Внуку моему
Гр. ГЕОРГИЮ САЛИАС

Предисловие

Родная моя тетка Любовь Григорьевна, рожденная Шалонская, в замужестве за отставным полковником Федором Федоровичем Семигорским, оставшись бездетною вдовою, особенно любила меня, своего племянника, сына своего меньшого брата Николая Григорьевича Шалонского. Часто рассказывала она мне о своей молодости, о своем отце, моем дяде Григорие Алексеевиче Шалонском, и о том, что претерпела она и все ее семейство в страшной для нашего отечества 1812-ый год. После ее смерти, по завещанию, я оказался единственным ее наследником. Переселясь на житье в ее любимую усадьбу, Ярославской губернии в село Приволье, я нашел в ее старом бюро отрывочные записки и дневник, во многих местах с затерянными листами, но веденный в продолжении нескольких лет. Эти записки и дневник показали мне не лишними интереса; я собрал их, привел в порядок и пополнил пробелы по памяти из ее рассказов. Семейные предания столь знаменательного года в истории земли нашей не должны, по моему мнению, пропадать бесследно.

*Отставной поручик
Григорий Шалонский*

Г

Мы жили весну и лето в подмосковной батюшкиной деревне, осенью езжали к бабушке в ее имение Щеглово калужской губернии и там проводили всю осень, а по первому пути отправлялись зимовать в Москву. Эта бабушка наша была мать нашей матери, очень богатая, и по фамилии Кременева. Она безвыездно жила в своем большом имении, недалеко от города Алексина. Об ней и ее житье-бытье буду я говорить впоследствии подробнее, а теперь скажу, из кого состояло наше семейство.

Батюшка, Григорий Алексеевич Шалонской, как я его запомню в раннем детстве, был высокий, сильный брюнет, степенный и важный, с оливковым цветом лица и большими черными, выразительными и огневыми глазами. Он служил в военной службе и вышел в чине бригадира в отставку. В делах по службе, как говорили его сослуживцы и родные, он был ревностный, сметливый, исполнительный человек, нрава незаносчивого и невздорного, непритязательного, но был горд и спины гнуть не мог. Начальник не поладил с ним, и отец мой вышел в отставку 32 лет. Он встретил мать мою у своей близкой родственницы, влюбился в нее, женился и, имея прекрасное состояние, поселился на зиму в Москве. Вскоре после женитьбы занявшись своими поместьями, он сделался отличным агрономом, домоседом и мало-помалу, занимаясь духовным чтением по преимуществу, предался рели-

гиозному настроению. Никогда не пропускал он обедни в воскресенье, ни даже заутрени и вечерни; приходил в церковь прежде священника, становился на клирос и пел сильным, но приятным баритоном. Он знал наизусть всю церковную службу, превеликий был знаток в св. писании, знал псалмы, ирмосы и кондаки наизусть, и мог бы поспорить с любым духовным лицом по этой части. Четьи-Минеи, Камень Веры, Подражание Христу Фомы Кемпийского, проповеди Боссюэта, Массильона, Августина и Платона были его любимым чтением. Каждый день, летом в 6 часов, зимою в 8, собирал он нас детей своих, читал нам сам одну главу Евангелия, а потом каждого из нас заставлял при себе молиться Богу. Мы должны были прочесть «Отче наш», «Верую», «Милосердия двери», «Царю небесный» и »Богородицу»; потом каждого из нас благословлял и отпускал пить чай и учиться. По воскресеньям собирал он нас и шел с нами в церковь. Не малое испытание было для нас стоять смирно, не шевелясь, долгую обедню в сырой, нетопленной поздней осенью, деревенской церкви. Я помню до сих пор, как жестоко озябали мои ноги и с каким удовольствием помышляла я об отъезде в Москву, где церкви были теплые. Обращение отца нашего с нами, детьми, было важное, серьезное, но не суровое, и мы его не боялись, мы чувствовали, что сердце его мягко, что он добр и чувствителен, не смотря на свой громкий голос и всегда задумчиво-строгое лицо. Матушку мы боялись больше, хотя она была нраву веселого, любила смеяться и шутить, когда была в духе. Матушка ни в чем, ни во вкусах, ни в привычках, ни в мнениях не сходилась с батюшкой. Она была учена, воспитана на французский лад французской гувернанткой и великая охотница до чтения, но совсем другого, чем батюшка. Она любила поэзию, романы, а более всего трагедии. Память ее была изумительна. Она знала наизусть Оды Руссо (не Жан-Жака конечно, а Жана-Баптиста Руссо), целые монологи из трагедий Вольтера, Корнеля и Расина, зачитывалась Жан-Жаком Руссо, Августом Лафонтеном (в переводе с немецкого)

и вообще была пристрастна к французской литературе. Она владела в совершенстве французским языком и, читая и перечитывая письма г-жи Севинье, сама писала по французски таким безукоризненно прекрасным слогом, хотя и очень высоким, что ее письма к знакомым ходили по рукам и возбуждали всеобщее удивление и восторг. Это не мало радовало матушку, и она сама ценила высоко свои познания и талант писать письма. При этом образовании, по тогдашнему времени замечательном, она была отливная хозяйка и знаток в садоводстве. Цветы имела она редкие, умела засадить клумбы изящно, а в теплицах, построенных по ее желанию, развела множество тропических растений. Нельзя описать ее радость, когда расцветал пышный южный цветок; его тотчас из теплицы приносили в покои и ставили на деревянные полки, горкою украшавшие углы залы и снизу до верху уставленные цветами. Букетов она не любила, говоря: «зачем рвать цветы, ими надо любоваться живыми, а не мертвыми, умирающими в вазах». Отец относился ко вкусам матери с вниманием, но не разделял их. В особенности не мог он примириться с ее пристрастием к французским книгам и французскому языку. Он почитал всех вообще французов вольнодумцами, а книги французские безнравственными и считал, что все они написаны под влиянием Вольтера, которого ненавидел и о котором говорить спокойно не мог. Матушка ему не прекословила, так что не смотря на разницу мнений и вкусов, они жили дружно и любили друг друга. Спорили они зачастую, но ссор не запомню. Матушка имела большое влияние на отца во всем, что не касалось религии, церкви, богослужения и духовных лиц. В этом она должна была *насовать*, как она сама выражалась, и предоставить нас, детей, отцу — но за то во всем прочем она была полная и самовластная хозяйка. Она желала нам дать отличное образование, и потому, не смотря на косые взгляды отца и его подчас резкие замечания, у нас жили французенка гувернантка и немец, не то гувернер, не то дядька. Бог его знает, что он был такое; его познания огра-

ничивались знанием бесконечного количества арий, которые он распевал по-немецки, гуляя с нами по полям нашего дорогого Воздвиженского. Батюшка говаривал, смеясь:

— Какой он гувернер! Я уверен, что он был актер, певец в каком-нибудь немецком городишке. Откуда бы ему знать столько арий и распевать их, размахивая руками.

— Может быть, — отвечала матушка, — но ведь я взяла его не детей воспитывать; я сама их воспитаю. Пусть он только выучит их по-немецки. Ты всегда на них нападаешь!

— На кого? спрашивал отец.

— Да на иностранцев, вот хотя бы на m-lle Rosine; у нее редкий французский выговор, парижский, чистый, чистейший.

— Да зачем он?

— Как зачем? Нельзя же языков не знать.

— Пусть учатся, я не мешаю, только не знаю, зачем им чистый парижский выговор.

— Так по твоему ломаным французским языком говорить?

Но батюшка не продолжал такого разговора, и уходил по хозяйству. А такие разговоры бывали часто.

Так мы и жили между отцом, только что не русским старовером, и матерью, умною, но на заморской лад воспитанною женщиной. Серьезные, духовные книги отца не привлекали нас, а французские книги матушки нам были как-то чужды, недоросли ли мы до них, или нам наскучило слышать чтения того, чего мы не понимали хорошо. В особенности надоедало нам приказание не говорить по-русски. Вот это было горе нашего детства. «Parlez français!» — кричала m-lle Rosine, которой нрав не отличался кротостью. «Sprechen sie deutsch!» — басил немец, а мы только того и чаяли, чтобы урваться, убежать в сад и поболтать по-русски. Чего, чего не придумывала m-lle Rosine. Однажды она явилась с дощечкой, на красном шнурке; на дощечке был изображен осел с длинными ушами, и она предназначала его для того из нас, кто первый заговорит по-русски. Но, увы, осел в первые три дня утратил

всякое значение. Мы передавали его один другому с неопи-
санным рвением и вместо наказания и стыда, на которые рас-
считывала француженка, осел на дощечке сделался нашею
любимою игрою. Француженка пришла в негодование.

— Mais ces enfants n'ont aucun amour propre, on ne sait par
quoi les prendre.

— Прекрасный благородный дети! — восклицал в коми-
ческом негодовании немец. Он в особенности не мог видеть
спокойно, когда мы ели *тюрю*, то-есть черный хлеб, накро-
шенный в квас. Вид этого спартанского блюда вызывал его
гневное презрение, и ироническое его восклицание: *Пре-
красный благородный дети!* только увеличивало наш аппе-
тит, и нашу веселость. Мы, буквально, бывало, умирали со
смеху. А нас было пятеро. Старший брат мой Сереженька,
потом я, Люба, годом меньшая брата, а потом, двумя годами
моложе меня, сестрица Милочка (Арина), за нею сестрица
Наденька, а потом меньшей братец Николаша. Сереженька,
Николаша и Милочка считались красавцами; они уроди-
лись, говорила матушка, в ее породу, в Кременевых, славив-
шуюся своей красотой. Сама матушка была замечательной
красоты. И матушка, и Сереженька, и Милочка имели русые
вившиеся волосы, темно-серые прекрасные, глубокие, с све-
том и блеском глаза и цвет лица замечательной белизны
и нежности. Сереженька, Николаша и Милочка были лю-
бимцами матери, а я и Наденька, — мы походили на отца,
смуглые, как цыганки, и не могли похвастаться правильно-
стью черт лица. Матушка очень сокрушалась нашими носа-
ми и всегда говаривала с прискорбием:

— Боже мой! Какие носы — ведь это ужасно! У них нос
Шалонских. Всех Шалонских Господь наградил ужасными
носами.

Носик матушки был небольшой, с небольшим горбиком
и безукоризненных линий, а у отца и у меня с сестрицей носы
были не из маленьких, хотя и не уродливые, как скорбела
о том матушка.

